

Е. И. Думанская

**УСТАНОВЛЕНИЕ МОТИВОВ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ
МЕР ПРОФИЛАКТИКИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ**

Статья посвящена анализу мотивации и мотивов преступлений, связанных с домашним насилием. Автор излагает свои предположения относительно факторов, обуславливающих динамику в преступлениях, связанных с домашним насилием, в целях улучшения качества криминологической, в том числе виктимологической, профилактики. Учитывая, что домашнее насилие обладает устойчивым системным и циклическим характером, а также нередко случаи смены ролей «агрессор» – «жертва», в статье сделана попытка осмысления процессов, приводящих к такому поведению, причины которых в значительной степени можно отнести к сфере неосознаваемой психической деятельности.

Ключевые слова: мотивация, мотив, домашнее насилие, профилактика

E. I. Dumanskaya

**MOTIVE'S RESEARCHING AS A CONDITION FOR IMPROVING
THE QUALITY OF DOMESTIC VIOLENCE PREVENTION**

The article is devoted to the analysis of the motivation and motives of crimes related to domestic violence. The author presents his assumptions about the factors of domestic violence in order to improve the quality of prevention. There was an attempt to approach the causes of domestic violence from the standpoint of the influence of unconscious factors because this behavior has a stable systemic and cyclical character and the roles of the «abuser»-«victim» are changing.

Keywords: motivation, motive, domestic violence, prevention

На современном этапе идет достаточное активное обсуждение вопросов домашнего насилия, необходимости правового регулирования данного вопроса, а также способов реагирования и профилактики. Однако полагаем, что в отсутствие конкретных правовых решений в данной сфере следует сосредоточиться на возможностях современного состояния законодательства для разрешения указанной проблемы. В частности, нам бы хотелось остановиться на вопросах корректного установления мотивации и мотивов в данной категории преступлений и подходов к ним сложившейся судебной практики.

Общество на данный момент остро нуждается в разработке эффективных средств воздействия на личность (причем как преступника, так и жертвы, поскольку эти роли очень часто меняются) в целях предупреждения домашнего насилия. Это невозможно сделать без понимания процессов, влияющих на преступное поведение, без анализа мотивации и мотивов такого поведения.

Представляется, что для целей эффективной профилактики следует фокус внимания сместить со следствия – совершенного преступления на саму личность и те ее черты, которые обуславливают возникновение домашнего насилия.

Государству очень трудно, а подчас и невозможно контролировать происходящее в конкретной семье. Но это не означает, что государству в лице своих правоохранительных и судебных органов не нужно понимать механизмы и обусловленность такого поведения.

Понятия, используемые судебной практикой для обозначения мотивов, например такие, как склонность к садизму, личные неприязненные отношения и т. п., практически никак не способствуют выработке эффективных профилактических мер.

Отдельно стоит остановиться на формулировке «личные неприязненные отношения», которую судебная практика очень часто использует для обозначения мотива в случаях домашнего насилия.

Так, согласно приговору № 1-119/2016 от 13 июля 2016 г. по делу № 1-119/2016 Плесецкого районного суда Архангельской области: «Воронцова Н. Н., зная о том, что ее сын, не достигший четырнадцатилетнего возраста, осознавая, что он в силу своего малолетнего возраста, психического и физического состояния не может оказывать ей сопротивление и сообщить в правоохранительные органы о ее (Воронцовой Н. Н.) противоправных действиях, вследствие чего находится в беспомощном состоянии, используя данное беспомощное состояние ребенка, а также используя нахождение сына от нее (Воронцовой Н. Н.) в материальной и иной зависимости, поскольку Воронцов Я. Д. находится на ее иждивении, не имеет источника дохода и собственного жилья, а постоянно проживает совместно с ней, осознавая систематический характер своих действий, умышленно причиняла малолетнему физические и нравственные страдания путем систематического нанесения побоев и иных насильственных действий, высказывая оскорбления и грубую нецензурную брань. Так, она в один из дней в период времени с 14 часов до 18 часов, находясь в состоянии алкогольного опьянения в квартире, на почве личной неприязни (*выделено автором*) к сыну из-за неудовлетворительных оценок сына по предметам обучения, с целью причинения физических и психических страданий, высказывая оскорбления в адрес малолетнего, умышленно нанесла ему не менее двух ударов ремнем в область спины, чем причинила сыну физическую боль и психические страдания» [8].

Далее следует описание еще нескольких эпизодов применения насилия на «почве личной неприязни к сыну».

Хотя нормативного определения понятия неприязни не существует, и в Уголовном кодексе РФ неприязнь в качестве мотива совершения преступления не упоминается, она описывается лишь как один из мотивов простого убийства в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве».

В связи с этим некоторыми авторами предпринимается попытка дать определение личной неприязни через выделение таких элементов, как:

- основания возникновения – поступки, слова, жесты и другие проявления одной стороны, способные вызвать непонимание и неприятие другой;
- субъект – носитель (индивид), имеющий неприятие поведения другого лица;
- объект – индивид, чье поведение (поступки, высказывания и т. п.) вызывают неприятие другой стороны;
- содержание личной неприязни – внутреннее неприятие поведения другого лица и его внешнее выражение» [3, с. 223].

Если мы говорим о криминологической картине преступлений, совершенных по мотиву личной неприязни, следует сказать, что личная неприязнь может быть внезапно возникшей и устойчивого характера. Безусловно, неприязнь устойчивого характера весьма схожа с описанной выше картиной домашнего насилия.

Но, как нам представляется, мотивы в упомянутом случае связаны с желанием получить контроль над жертвой, заставить ее подчиняться. К сожалению, мать может ненавидеть собственного ребенка по целому ряду причин. И причины эти, как правило, будут связаны с личностью самого агрессора, его внутренними проблемами, усвоенными моделями и паттернами поведения.

Традиционно считается, что истоки неприязни коренятся в социальном чувстве «я» и базируются на чувстве обиды. Причиной личной неприязни может быть неприятное воспоминание

нение, разные взгляды на мир и т. д. Алкоголь, наркотики и неблагополучное материальное положение обычно являются катализирующими факторами проявления неприязни.

Исходя из вышеизложенного, сложно согласиться, что в описанной ситуации между матерью и ребенком существовали устойчивые неприязненные отношения. Нам непонятно, каким образом ребенок мог вызвать ущемление собственного «я» агрессора-матери для квалификации мотива как неприязни.

Приведем пример еще одного случая квалификации мотива преступления в сфере домашнего насилия как мотив личных неприязненных отношений. В данной ситуации происходит смена ролей «агрессор» – «жертва» и данному обстоятельству не дается надлежащая правовая и криминологическая оценка.

«Осуждённая Ксенофонтова З. П. в судебном заседании признала свою вину в убийстве мужа и показала, что последние двадцать лет её муж К. применял к ней насилие, издевался над членами семьи. 20 сентября 2016 года у неё с К. возник конфликт, так как ему не понравилось, что она отказалась идти в магазин за спиртным. К. взял топор и сказал, что если она не принесет спиртное, он отрубит ей голову. Потом совершил с ней насильственные действия сексуального характера, ударил в голову и в грудь, а затем лёг на кровать. Она вышла в коридор дома, где хотела подождать, когда муж уснёт, однако когда (Ксенофонтова) вернулась в комнату, он не спал, лежал на кровати. На требование К. сходить за спиртным она отказалась, тогда он разозлился. Испугавшись, что К. начнёт её бить, вышла в коридор, взяла металлическую трубу, вернулась в комнату и ударила трубой лежавшего на кровати К. в правый глаз. К. вскочил с кровати и пополз на кухню, где находился топор. Она испугалась за свою жизнь и ещё раз ударила трубой в голову К., после чего убежала в баню... Мотивом совершения Ксенофонтовой З. П. преступления являлись возникшие у неё *личные неприязненные отношения к К. из-за того, что последний требовал, чтобы она сходила в магазин за спиртным (выделено автором)*, что подтверждается исследованными в судебном заседании доказательствами» [9].

На наш взгляд, сложно согласиться с тем, что мотивом в описанной ситуации явились «личные неприязненные отношения к К. из-за того, что последний требовал, чтобы она сходила в магазин за спиртным».

По логике суда преступление вызвано обычным конфликтом-ссорой из-за похода в магазин за спиртным, которая ущемила «я» Ксенофонтовой, вызвала «личную неприязнь». При такой постановке вопроса суд абсолютно не учитывает длительное насилие, носящее системный характер, при формировании мотивации.

Полагаем, что при рассмотрении различных преступлений, связанных с домашним насилием или из-за домашнего насилия, совершенно неприемлемо использовать такие формулировки, как личная неприязнь, ссора и т. д., так как они не дают понимания о причинах и мотивах преступления, совершенного в рамках семейных отношений.

Семья представляет собой сложную систему, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено. Как правило, для людей, находящихся в ситуации домашнего насилия, характерно состояние зависимости и созависимости, а также пребывание в состоянии стресса или хронического посттравматического стрессового расстройства.

Все вышеперечисленное накладывает отпечаток на формирование мотивации в подобного рода преступлениях, распределение ролей «агрессор» – «жертва» и т. д. Выявление настоящих причин и мотивов действий, в свою очередь, необходимо для индивидуализации наказания и выработки эффективных мер как общей, так и специальной криминологической профилактики.

К сожалению, проблемы разработки «реадаптационных» мер воздействия на личность преступника (и жертвы) остаются вне фокуса внимания субъектов правоприменения.

В случаях домашнего насилия мы имеем дело с систематически повторяющимися сценариями, паттернами противоправного и преступного поведения в рамках семейной системы.

Какова же причина таковых раз за разом повторяющихся паттернов?

Как было замечено выше, на наш взгляд, точно не «неприязненные отношения», которыми оперирует судебная практика.

В рассматриваемых нами случаях существует «привыкание к насилию» со стороны жертвы, принятие его в качестве своеобразной «нормы». Это обуславливает длительность насилия со стороны агрессора. Безусловно, такой сценарий может начинаться с родительской семьи: дети воспроизводят модели семейных отношений в родительской семье.

В науке исследуются механизмы, лежащие в основе передачи моделей поведения из поколения в поколение, включая социальное обучение, криминогенную среду, биологическую предрасположенность и т. д. [см. 6]. Также имеется ряд работ, посвященных влиянию семейных паттернов (употребление наркотиков родителями, преступное поведение и тюремное заключение родителей) на риск вовлечения ребенка в преступную деятельность [см. 7].

Некоторые авторы идут еще дальше и усвоение паттернов «агрессор» – «жертва» связывают даже с перинатальным периодом: «...при рождении и даже во чреве ребенок получает определенное количество посланий: ему передают фамилию и имя, ожидание ролей, которые ему придется играть или же избегать. Эти ролевые ожидания могут быть позитивными и/или негативными. Из ребенка сделают «козла отпущения»..., ему много всего предскажут – предписания, сценарии, будущее. Это будет сказано явно или останется невысказанным и будет подразумеваться «по умолчанию» и храниться в строгой тайне. Однако явные или неявные ожидания начнут «программировать» ребенка. Затем семья и окружение начнут вводить эту программу в психику ребенка: его жизнь и смерть, брак или безбрачие, профессия или призвание, будущее станут, таким образом, производной от всего семейного контекста – высказанного и невысказанного» [5, с. 196].

Обусловленность отдельного индивидуального преступного поведения в сфере домашнего насилия множеством факторов в значительной степени затрудняет объяснение поведения агрессора и жертвы. Тем более эти роли могут поменяться. Иногда создается впечатление, что роль жертвы «комфортна» для нее, и жертва «специально» выбирает себе агрессора-тирана. Иногда судебная практика ставит такое положение вещей в «вину» жертве, считая, что такое положение «устраивает» жертву домашнего насилия, и указанное насилие никак не влияет на последующую мотивацию. Представляется, что данная практика может рассматриваться как некая форма виктимблейминга.

Так, в приговоре Первоуральского городского суда Свердловской области указано следующее: «Архипова И. В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры с ФИО5, возникшей на почве личных неприязненных отношений, действуя умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, взяла на вышеуказанной веранде кухонный нож и, используя его в качестве оружия, нанесла им не менее одного удара в область груди ФИО5... Поведение Архиповой И. В. было вызвано аморальным поведением потерпевшего и основано на *личных неприязненных отношениях (выделено автором)* ... Более того, конфликтная ситуация в момент совершения преступления не была для Архиповой И. В. внезапной и неожиданной, поскольку в тот же день между ней и потерпевшим уже возникала ссора на почве употребления спиртных напитков, в связи с чем у Архиповой И. В. не имелось никаких препятствий, чтобы покинуть место происшествия после первоначального конфликта. Кроме того, Архипова пояснила, что они и раньше ссорились и дрались, но она не уходила сама и не выгоняла ФИО21, так как жалела его. Таким образом, суд приходит к выводу, что *такие отношения были нормой жизни данной семьи (выделено автором)*, и в тот день не происходило ничего, что бы могло свидетельствовать о какой-то необычной для них ситуации» [10].

Таким образом для правоприменителя ситуация совершения преступления из личных неприязненных отношений, совершенного в ходе конфликта, не отличается от преступления, связанного с домашним насилием. И мотивы описанных выше действий (и, как следствие, личностная характеристика преступника, степень общественной опасности личности) для судебной практики выглядят абсолютно одинаково, не влияя ни на индивидуализацию наказания, ни на специфику профилактических мер.

Такая постановка вопроса не способствует эффективной профилактике домашнего насилия. Как было отмечено выше, домашнее насилие является, как правило, результатом воспроизводства определенных паттернов, ролей. Причем воспроизводства неосознаваемого.

Мы неоднократно подчеркивали, что в регуляции поведения человека непрерывно взаимодействуют осознаваемые и неосознаваемые, рациональные и эмоциональные компоненты, тщательное исследование которых дает нам представление о мотивах преступления. А понимание неосознаваемых аспектов человеческой мотивации может служить ключом к раскрытию причин и мотивов поведения как преступника, так и жертвы [см. 1].

Так, Франц Рупперт в своей работе «Травма, связь и семейные расстановки» приводит следующий пример: «Обвинители задокументировали на десяти страницах страдания Сильвии Б. (имя изменено), которая уже в 1986 году в возрасте трех лет подверглась сексуальному злоупотреблению со стороны отца. В течение последующих лет ситуация усугубилась – вплоть до ежедневного изнасилования, когда в 1997 году мать из-за депрессий на год попала в клинику. Сильвии Б. пришлось «занять роль» матери и терпеть извращенные сексуальные игры обвиняемого. Отец не отстал от Сильвии даже после того, как она попала в больницу после попытки самоубийства. Впоследствии семнадцатилетняя девушка переехала жить в общежитие для психических больных, но продолжала навещать родителей, чем снова воспользовался отец. После оглашения приговора во всем сознавшийся отец не произнес ни слова сожаления» [2, с. 17]. В данном примере семейный контекст таков, что в восприятии преступника Сильвия не свой собственный ребенок, в его восприятии она лишь «занимает роль» его жены.

Раскрытие мотивов подобных преступлений позволяет оценить степень общественной опасности личности виновного. Наказанием возможно временно заставить того или иного члена семьи контролировать свое поведение, но обстановку в семье это не восстановит и слабо будет способствовать профилактике аналогичных случаев.

Эффективная профилактика возможна только в случае работы с первопричиной такого преступного поведения.

Следует подчеркнуть, что для случаев домашнего насилия характерна проблема архетипов как часто повторяющихся образов (моделей поведения) и неосознаваемых психологических или социальных ролей в преступном поведении (архетипы инцеста, суицида, детоубийства и т. д.).

Еще раз подчеркнем, что эффективная профилактика требует применения методов, непосредственно адресованных в неосознаваемую область. Естественно, одни лишь воспитательные меры и назначение наказания с данной задачей не будут справляться.

В контексте этого так называемая «реадаптационная» модель развития правоприменительной и исправительной системы, работающая с первопричинами преступного и виктимного поведения, а не с последствиями в виде преступного поведения, представляется более перспективной.

Некоторыми исследователями предлагаются даже дополнительные принудительные меры – психолого-ресоциализирующие меры, которые должны проводиться с целью оказания психологической помощи при ресоциализации преступника и корректировки его представлений о ценностях, существующих в обществе, а также и предупреждения новых насильственных преступлений [см. 4].

Не можем согласиться с принудительностью данных мер, поскольку невозможно процессы, связанные с психикой человека, осуществлять принудительно. А вот различные программы, направленные на стимулирование желания пройти психолого-ресоциализирующие меры, как раз заслуживают внимания и развития. Требуется масштабная разработка программ морально-психологической реабилитации, информационно-консультативной, правовой и медицинской помощи. Причем данные программы должны разрабатываться как по отношению к преступнику, так и по отношению к жертве домашнего насилия.

Необходимы меры с целью уменьшения уязвимости потенциальных жертв (в том числе психологическая работа со «сценарием жертвы»), меры виктимологической помощи по ока-

занию всех видов поддержки (моральной, психологической, правовой, материальной и другой). Все меры необходимо реализовывать в комплексе в рамках системы виктимологической защиты и обеспечения виктимологической безопасности реальных и потенциальных жертв домашнего насилия.

Таким образом, только на понимание выше описанных процессов, влияющих на преступное поведение, должна опираться разработка мер профилактики, выбор эффективных средств воздействия на личность в целях предупреждения противоправного поведения.

Литература

1. Думанская, Е. И. Личностные деформации как криминогенная предпосылка преступного поведения / Е. И. Думанская. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1. – С. 69–75.
2. Рупперт, Ф. Травма, связь и семейные расстановки / Ф. Руперт. – Москва : Институт консультирования и системных решений, 2010. – 264 с. – Текст : непосредственный.
3. Севостьянов, Р. А. Личная неприязнь как мотив совершения преступления / Р. А. Севостьянов. – Текст : непосредственный // Вопросы российского и международного права. – 2018. Т. 8, № 9А. – С. 221–227.
4. Шуняев, С. В. Уголовно-правовые аспекты противодействия насилию в семье / С. В. Шуняев. – Текст : электронный // Международная ассоциация содействия правосудию. – URL: <https://www.iauaj.net/node/480> (дата обращения: 30.08.2021).
5. Шутценбергер, А. А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / А. А. Шутценбергер. – Москва : Психотерапия, 2009. – 256 с. – Текст : непосредственный
6. A systematic review and meta-analysis of the intergenerational transmission of criminal behavior / S. Besemer, S. Ahmad, S. Hinshaw, D. Farrington // Aggression and Violent Behavior. – 2017. – Vol. 37. – P. 161–178/
7. Linking parental incarceration and family dynamics associated with intergenerational transmission: A life-course perspective / P. Giordano, J. Copp, W. Manning, M. Longmore. – DOI: 10.1111/1745-9125.12209 // Criminology. – 2019. – Vol. 57 (3). – P. 395–423.
8. Приговор № 1-119/2016 от 13 июля 2016 г. по делу № 1-119/2016 Плесецкого районного суда Архангельской области. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wX0xXivpHYxt/> (дата обращения: 07.07.2021).
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 24 марта 2017 года по делу № 22-717/2017. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 06.07.2021).
10. Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 14 марта 2019 года по делу № 1-84/2019. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 06.07.2021).